

С. В. Голикова, В. А. Шкерин

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ (XVIII–XIX ВВ.)**

УДК 94(470.5)»17/18»

ББК 63.3(235.55)513

Создание крупной горнозаводской промышленности объединило в XVIII в. ранее разрозненные территории в Уральский регион. Коренные народы (прежде всего башкиры) отнеслись к заводскому строительству враждебно. Основным ресурсом при формировании горнозаводского населения стало русское и отчасти украинское крестьянство. Крестьяне воспринимали переводы на уральские заводы, часто из далеких губерний Российской империи, также негативно. Для их потомков — мастеровых — память о насильственном переселении предков стала частью процесса виктимизации, осознания себя жертвой, принесенной промышленному Молоху. Виктимизация, подпитываемая и иными идеями и мифами, служила консолидации горнозаводской общности. Еще более важным средством консолидации выступал заводской труд — не только тяжелый, но и технически сложный, требовавший узкой квалификации. Такой характер труда позволял горнозаводскому населению ощущать свое превосходство над крестьянством, признававшееся и современной ему интеллигенцией.

Ключевые слова: Урал, горнозаводское население, крестьяне, мастеровые, непременные работники, этнокультурная общность, консолидация, виктимизация, промышленный труд, культурные различия, символические границы

Российский имперский проект XVIII в. завершил формирование Урала как особого географического, экономического и историко-культурного региона. Главным регионообразующим фактором выступала крупная горнозаводская промышленность, насаждавшаяся государством и базировавшаяся на ресурсах меридионально вытянутой горной системы. Не случайно именно первый главный командир здешних заводов В. Н. Татищев распространил башкирский (тюркский) термин «Урал» на всю горную гряду от Северного Ледовитого океана до Мугоджар, а также на прилегающие к ней с запада и востока территории. Северные коренные народы Урала, не затронутые или почти не затронутые индустриализацией и потому не осознавшие

нового регионального единства, продолжали именовать известные им части хребта собственными топонимами (для манси это Нёр, для хантов — Кев, для коми — Из, для ненцев — Нгарка Пэ).

Башкирское имя нового региона не уберегло самих башкир от изъятия родовых земель и вынужденных перекочевков как следствия масштабного заводского строительства.¹ Остро нуждавшееся в металлургической продукции государство мало беспокоилось о нуждах туземцев. При межевании заводских угодий велено было «смотреть накрепко, чтоб ... в пользу было горному и заводским делам» и «чтоб впредь оные башкирцы никакой ссоры или противности заводам не учинили».² Совместить первое требование со вторым оказалось невозможно, и «воровские нападения» башкир на рудники и заводы Южного и Среднего Урала продолжались весь XVIII в.

Уже в 1718 г., когда первый обоз с медной рудой был отправлен с Гумёшевского рудника на Уктусский завод, «Челжеутской волости башкирцы Чубар Балаушев с товарищи, собрався многолюдством, на том руднике то все строение выжгли и работных людей согнали».³

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: avokilog@mail.ru

Шкерин Владимир Анатольевич — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-11-66002 а(р) «Историко-символическое пространство горнозаводского Урала в формировании геокультурного образа края (XVIII — середина XIX вв.)»

¹ См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 122, 209, 212 и др.

² Горная власть и башкиры в XVIII веке. Уфа, 2005. С. 22.

³ Там же. С. 20.

В 1737 г. башкиры схватили крестьянина Окуневской слободы Гаврилу Соколова, но после отпустили «на завод к генералу». «Старшина» башкир «велел... донести генералу, чтоб городов на их земле не строили». Это же требование пленник слышал и от других башкир: «...когда-де генерал города заводит, то-де мы воевать будем и русские слободы все разорим; когда же бы-де города не стали строить, то бы-де и мы воевать перестали».⁴ Под «городами» подразумевались огороженные стенами заводы, а также полевые укрепления на ведущих к заводам дорогах. Так, следующий медный обоз с Гумёшек в Уктус был отправлен только в 1723 г., когда «у Чусовой реки, где... башкирский чрез оную реку имелся переезд, называемый Косой Брод, построен шанц (шанец, полевое укрепление — С. Г., В. III.) и определена тут быть солдат рота, дабы оные башкирцы рудным вошикам... не могли чинить препятствия».⁵

Башкирское сопротивление достигло своего апогея в период Пугачевщины. Приказчик Круглов писал о разорении Усть-Катавского завода башкирами племени Кудей в мае 1774 г.: «По разграблении и сожжении завода, оставших в живых мужеск пол, разграбленных и измученных разными тиранскими муками и ранами, а женск пол обруганными от варварского злодеев мучения и убийства крестьян, в сущей бедности, нагоде и голоде с семействами их з заводаского места выгнали и, не дав им ничего к пропитанию, приказали итти из Башкирии вон в Кунгурский уезд».⁶

Своими отчаянными действиями башкиры демонстрировали бескомпромиссное отрицание горнозаводского бытия. Со временем, когда башкирские восстания остались далеко в прошлом и реальные их мотивы были забыты новыми поколениями рудничных и заводских работников, родилась легенда о борьбе за контроль над полезными ископаемыми: «Давно-давно жили здесь у нас башкиры. Два рудника медных у них было. Один за Думной горой, другой — тот, что сейчас Гумёшевский. И прорыли башкиры подземный ход между этими рудниками. А русские поняли, что медь — это очень полезный и нужный металл, и решили изгнать отсюда башкиров».⁷

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М., 1937. С. 510.

⁶ Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. 2. М., 2001. С. 124, 128.

⁷ Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы. Свердловск, 1991. С. 37.

Другой вариант легенды о сокрытии рудных богатств родился на северной границе горнозаводского Урала. Северные уральские народы, как отмечено выше, с заводской экспансией сталкивались мало. Но по сей день бытующая легенда о казни первооткрывателя рудных богатств горы Благодать отражает если и не реальное событие, то, по меньшей мере, негативное отношение туземцев к основанию Гороблагодатских заводов: «Раньше здесь вогулы жили... Открыл руду один из ихнего племени, Степаном его звали, а по фамилии Чумпин. <...> Не знал он, что это руда, и направился в Екатеринбург. Сам много дней шел... А как вернулся, сожгли его недрузья на этой горе. Не хотели они, чтобы русские к вогулам пришли. А русские пришли, завод здесь построили...»⁸ При таком отношении о сколько-нибудь существенном вовлечении уральских аборигенов в процесс горнозаводского производства (хотя бы на вспомогательных операциях) не могло быть и речи.

Представления русского земледельческого населения о зародившейся «в сусидях» экономической, социальной и культурной реальности также были окрашены преимущественно в негативные тона. Крестьяне рассматривали заводчан с позиций доиндустриальных, «вечных», этических ценностей, считали заводской и рудничный труд греховным. В духовных стихах «горщики», ведшие поиск «серебра, золота, камениев самоцветных», назывались «бесами погаными».⁹ Даже браки между крестьянками и «заводшиной» считались делом предосудительным. В деревне говорили: «...не ходи, девка, на варварские заводы».¹⁰

Однако именно на долю крестьянства выпало стать источником людского пополнения горных заводов Урала. Занятые на вспомогательных операциях (на рубке дров, выжиге угля, гужевых перевозках и пр.), приписные крестьяне не были собственно рабочими и при существовавшем положении не могли ими стать. Считалось, что при заводах они лишь отработывают подушную подать, жить же по-прежнему должны за счет аграрных трудов. Установленный порядок был разорителен для крестьян, жаловавшихся на то, что, «пришедши восвосяи, к сердечному прискорбию находят в полях своих вместо пшеницы

⁸ Там же. С. 97, 98.

⁹ Белорецкий Г. Сказитель-гуслиар в Уральском крае // Русское богатство. 1902. № 11. С. 40.

¹⁰ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 348. Л. 230б., 270б.

дикую траву и вместо тучных колосьев пожинают солому».¹¹ Массовые выступления приписных, включая активное участие в событиях 1773–1775 гг., достигли цели лишь в 1807–1814 гг., когда эту категорию крестьян заменили при заводах непременными (позже урочными) работниками. Реформу сопровождали волнения приписных, противившихся переводу в непременные «...пусть хоть головы им рубят, но они имен своих никому не скажут и к заводам не пойдут».¹² Непременные работники, подобно мастеровым, получали за труд жалованье и провиант и являлись людьми уже не крестьянского, а горнозаводского мира.

Большинство трудившихся в основных цехах мастеровых также были потомками крестьян. Переход из одного мира в другой трактовался их коллективной памятью как несчастье, как результат несправедливости и нередко случайности. Распространенной версией выступал мотив проигрыша предков в карты: «Господин проиграл хохлов. Сама-то не знаю, но мать так и сказывала. Построили им тут дома»; «Туляки и хохлы были проиграны Демидову на шеститку виной в 1741 г. Он их привез сюда для работы»;¹³ «А вот есть у нас улица Арзамасская. Демидов выиграл в карты у одного помещика людей из Арзамаса».¹⁴ Иным объяснением служила ссылка: «Вот тогда Бедярыш образовался, туда направили ссыльников. Тоже были такие люди при царе, взяли, направили».¹⁵

Предания о несправедливом прикреплении к заводам укладывались в общий процесс виктимизации, консолидировавший горнозаводскую общность и противопоставлявший ее крестьянству. Рабочие воспринимали себя в значительной степени как жертву, поскольку трудились «до измору», работа их «изнуряла», «вымогала», «изнашивала». «Через сию работу приведены в настоящее безсилie», — жаловались императору мастеровые Березовских золотых приисков в 1824 г.¹⁶ Предание гласило, что «уральские заводы выстроены ценой крови,

на костях человеческих».¹⁷ «По сие время, — писал в конце XIX в. Д. Н. Мамин-Сибиряк, — на многих уральских заводах сохранились предания о том, как рабочих бросали в жерла доменных печей или топили в прудах, известный заводчик Зотов ходил по фабрикам с пистолетом и стрелял ослушников как зайцев».¹⁸

Жертва промышленному Молоху уподоблялась христианскому подвигу. Человек горнозаводского мира обретал черты страстотерпца, праведника: каждодневное самопожертвование возвышало его над крестьянскими предками и современниками. В популярной заводской песне пелось:

Мужики вы, мужики,
Одним словом — дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали.
Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет у воли никуды.¹⁹

С точки зрения горнорабочих, их труд был не только тяжелее крестьянского, но и сложнее. Действительно, для обслуживания многочисленных и разнообразных заводских устройств были необходимы грамотные и дисциплинированные работники. Высококвалифицированные специалисты (слесари, кузнецы, каменщики, столяры-модельщики, плотники и пр.) в заводской среде уважительно именовались «мастеровщина». «Это была замкнутая группа, в которой профессия передавалась по наследству. Проникнуть в эту среду было до половины 90-х гг. почти невозможно», — писал, вспоминая о конце XIX в., рабочий П. П. Ермаков.²⁰ Каждый специалист сознавал, что его ценность или даже незаменимость для производственного процесса обусловлена знаниями и умениями. Так, конфликтовавшие с заводской администрацией нижнетагильские рабочие устами своего поверенного А. П. Козицына убеждали министра финансов в 1809 г.: «В просьбе, со стороны заводской конторы господину генерал-губернатору поданной, изъяснено, в какой степени мастерство за сими крестьянами, как то: кричные, медные и многие другие необходимо

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 16. Л. 1; Д. 61. Л. 1.

¹² Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: сб. документов. М., 1961. С. 211.

¹³ Предания и легенды Урала. С. 43, 44.

¹⁴ Предания реки Чусовой / сост. и авт. ст. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961. С. 33.

¹⁵ Архив этнографического бюро (г. Екатеринбург). Ф. 1. Д. 16. С. 70. В действительности с. Бедярыш было основано в 1752 г. крепостными крестьянами, переведенными на Южный Урал для обеспечения древесным углем Катав-Ивановского завода.

¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 140. Л. 24.

¹⁷ Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 135, 137.

¹⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 35.

¹⁹ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936. С. 281.

²⁰ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 47, 48.

нужные для заводов. <...> Как возможно помыслить, чтоб толь искусные в мастерстве люди не могли собственно для заводовладельца быть полезными? Отдалить от себя такой важный предмет никак не возможно». ²¹ Спустя восемь десятилетий, в 1891 г., рабочие того же предприятия иными словами повторяли мысль своих предшественников: «...не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огненную работу. <...> Для получения благоприятных результатов [производственный процесс] требует от рабочих людей, кроме интенсивности труда, еще знание техники дела, сноровку, выдержку, практику и вообще, так сказать, осмысленное понимание своей профессии». ²²

Крестьянский труд, напротив, рассматривался рабочими как пустячный, не требовавший больших физических и уж тем более интеллектуальных усилий. «Ловко крестьянину-ту и богатеть-ту: посеет мешок (зерна), а намолотит два», — рассуждали в конце XIX в. на заводах Красноуфимского уезда. ²³ При этом тип уральского рабочего был далек от классического пролетария, ничего не имевшего, «кроме своих цепей». Здешние рабочие жили (а нередко и теперь живут) в собственных бревенчатых домах с огородами, держали домашний скот и птицу. Непременные (урочные) работники наделялись пахотными и сенокосными участками; мастеровые — только сенокосными, но они могли купить или расчистить участок под пашню «своими руками и иждивением». Впрочем ни один из горных округов Урала не обеспечивал себя хлебом, более того, избавиться от хлебопашества стремились даже непрменные работники. Рабочие Сысертского завода признавались Александру I, посетившему Урал в 1824 г.: «... хлебопашества имеем самую малость, посею что земля по хлебопашеству не способна и не хлебородна, почасту бывает летний мразолей». ²⁴ А в 1841 г. главный начальник заводов генерал-лейтенант В. А. Глинка писал об «уральских горных заводах, населенных народом промышленным и не занимающимся

почти совсем земледелием». ²⁵ Если по какой-то причине рабочие теряли работу, то скорее стремились перебраться на другие заводы, чем заняться земледелием рядом с домом. Так, Лука Канин, возвращенный в деревню после закрытия Елизавето-Нердвинского завода в 1824 г., тотчас принялся просить своего владельца, барона Г. А. Строганова, «милостию приказать... зачислить в промысловые работники и определить для обучения в таковую ж столярную работу». ²⁶ Священник Васильевско-Шайтанского завода А. А. Топорков свидетельствовал в 1892 г.: «Главное занятие жителей, как и вообще на всех горных заводах, составляют заводские работы, так что в случае остановки действия завода, даже временной... рабочие должны приискивать занятие на стороне, в других заводах». ²⁷

Спецификой заводских работ объясняли культурное превосходство уральских рабочих над земледельцами и представители современной им интеллигенции. «Сам род занятий заводских людей, — писал в 1864 г. преподаватель Чермоозского приходского училища М. А. Кирпищиков, — имеет на них развивающее влияние, вследствие чего заводской мастеровой по умственному развитию стоит выше здешнего крестьянина». ²⁸ Более аргументированно отстаивал подобную мысль в 1898 г. товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда по Нижнетагильскому участку: «Крайне тяжелая и ответственная работа, где от малейшей оплошности и медлительности рабочего он и его товарищи рискуют встретиться со смертью и где каждое слово мастера — закон для рабочего, закалила местного горнорабочего, развила в нем сметливость, смелость и решительность... Он, благодаря описанным условиям его деятельности, в девяти случаях из десяти по умственному развитию стоит значительно выше местного хлебопашца. Последний и простоватей первого, и менее знает, и в более сильной степени приобрел привычку “сидеть у моря и ждать погоды”. При этом глубоко воспринятый хлебопашцем взгляд “Все бог да ведрушко” налагает печать спокойствия на его

²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 150. Л. 132об.

²² Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861–1904: сб. документов. М.; Л., 1969. С. 435.

²³ Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Тр. Перм. губерн. учен. арх. комис. Вып. 10. Пермь, 1913. С. 6.

²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 163. Л. 40об.

²⁵ Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов. М., 1955. Т. 1, ч. 2. С. 277.

²⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4268. Л. 7–70б.

²⁷ Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе. Екатеринбург, 2002. С. 69.

²⁸ Кирпищиков М. Очерк быта мастеровых Чермоозского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // Перм. губерн. ведомости. 1864. № 34. С. 238.

характер. Не таков уральский горнорабочий. Способный, самоуверенный и нервный, он привык надеяться на свои силы, при неудаче не раздражается. «До бога высоко», — говорит он в противоположность хлебопашцу и имеет тенденцию самолично осуществлять предполагаемое за собой или действительно принадлежащее ему право».²⁹

Еще более ступенчатую градацию «смышлености» уральцев в зависимости от отношения к горнозаводскому миру проводил в середине XIX в. смотритель училищ Камско-Воткинского горного округа М. В. Блинов: «Всегда можно отличить заводского жителя, мастерового от урочного работника; вотьяка от того и от другого. Работы в заводе, требующие ловкости, проворства, иногда смышлености, делают из мастерового человека более или менее развязного и способного; он сметлив и смышлен; в нем проявляется склонность к образованию. Урочный работник, которому лес служит пристанищем более половины года, во всех отношениях далеко отстал от мастерового; он груб и неповоротлив; к ремеслам мало способен и вовсе не занимается ими; умственные способности его развиты плохо; смышлености и сметливости в нем весьма мало». Вотьяки же, «ведя знакомство и хлебосольство с соседями-русскими, особенно с мастеровыми Воткинского и Ижевского заводов», оставались, по наблюдениям этого автора, «существами совершенно отдельными»: они сохранили нравы и обычаи старины, а их «умственная и нравственная сторона» носила «печать патриархальности».³⁰

Указание на то, что они «не мужики, слава богу», было общим местом в рассуждениях рабочих. Если не в будничной жизни, то в праздники они любимыми способами старались подчеркнуть культурную дистанцию, отделявшую их от деревни. По наблюдениям журналиста Вас. И. Немировича-Данченко, путешествовавшего по Уралу в 1870-х гг., рабочие Нижнего Тагила «соблюдали» себя «в аккурате»: «старались быть чисто одетыми», «хорошо держались», обращались друг к другу на «вы», обходились без ругани и нецензурных слов. «Хороводов тагильские рабочие тоже не водили — “Помилуйте, мужицкое

дело!»». «Господа рабочие» предпочитали гулять «по-благородному» — «без шута».³¹

На протяжении всего XVIII в. горнозаводский Урал принимал большие потоки трудового населения из различных регионов Российской империи: из Подмосковья, с Украины, Поволжья и пр. Между I и V ревизиями, т. е. между 1719-м и 1795 гг., численность мастеровых и рабочих людей выросла здесь более чем в 7 раз — с 11,9 тыс. до 86,4 тыс., численность приписных крестьян увеличилась в 8,5 раза — с 25 тыс. до 212,7 тыс.³² Постепенно миграционный процесс затухал. Со второй трети XIX в. потребности заводского Урала в рабочих руках удовлетворялись преимущественно за счет естественного прироста населения. На казенные заводы рекруты поступали лишь взамен отданных в солдаты или по экстраординарным наборам. Покупка крепостных на частные заводы фактически прекратилась к середине XIX в.³³ Память о былых переводах сохранялась в неофициальных названиях локальных групп горнозаводского населения (по местам выхода — «туляки», «хохлы»; по особенностям произношения — «гамаюны», «ягоны»; по бытовым отличиям — «крупеники», «горчишники» и пр.), а также в праздничной обрядности и нарядах. В таком «плавильном котле», как Нижний Тагил, чуть ли не до конца XIX в. женщины-«тулянки» носили «поньки» («узкая юбка, передняя сторона которой делалась другого рисунка и цвета»),³⁴ в среде же «хохлов» дети пели святочные «щедрилки», а девушки весной гадали на пущенных в воду венках.³⁵

Однако горнозаводский мир навязывал этому пестрому населению иные, общие для всех образы жизни и культуры. «Внучата переселенцев, — отвечали из Кушвы на вопрос анкеты Русского географического общества в середине XIX в., — уже не похожи по наречию на своих дедушек, и все говорят наречием общим, которое не в заводах именуется заводским и составляет наречие общее для

³¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (Очерки и впечатления). СПб., 1904. Ч. 2. С. 407, 408.

³² История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 312, 313.

³³ См.: Неклюдов Е. Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30—50-е гг. XIX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 79—82.

³⁴ Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 27, 28.

³⁵ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 158, 162, 259, 260.

²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. Л. 115—126об.

³⁰ Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотьяках // Журн. М-ва внутр. дел. 1855. № 3. Отд. 3. С. 41, 42, 55.

всего Гороблагодатского заводского округа».³⁶ «Все мастерские и семейства их наружность, домашний быт, одежду, нравы, обычаи и поряды, пищу и пр. имеют совершенно согласно с прочими мастерскими», — заверял урядник Нижнеисетского завода Ждановский в 1855 г.³⁷ С Южного Урала ему вторил Ф. Д. Нефёдов: «Заводы росли и размножались. К ним стягивались и прикреплялись рабочие люди: беглые, переселенцы, успевшие уже осесть, и крестьяне, покупаемые у помещиков и вывозимые заводчиками из внутренней России в Башкирию. Новая своеобразная жизнь началась в заводах — жизнь, полная нескончаемых печалей, но не лишенная и своих радостей; в течение более ста лет она складывалась и, наконец, сложилась в определенные формы, выработался тип заводского человека».³⁸ Об ассимиляции заводских «хохлов» писал Д. Н. Мамин-Сибиряк: «По наружному виду вы ничем не отличите хохла от других мастеровых коренного заводского населения, даже в одежде не сохранилось никаких особенностей.

На такую метаморфозу завязанного хохла в уральского горнорабочего потребовалось всего 70–80 лет, то есть смена четырех поколений».³⁹ Наконец, в масштабах всего горнозаводского края культурное единение засвидетельствовал в 1870-х гг. выпускник Пермской духовной семинарии, а к тому времени студент Санкт-Петербургского университета Р. С. Попов: «На Урале и теперь не редкость встретить не только в одном заводском округе, но и в одном заводе, потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения. Но вся эта разнохарактерность происхождения сгладилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего».⁴⁰

Главным фактором консолидации уральской горнозаводской общности и размежевания ее с иными группами населения выступал промышленный труд, осознанный ею как фундаментальная ценность и основа ее образа жизни.

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avokilog@mail.ru

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: shkerin_uit@mail.ru

EVOLUTION OF THE MINING DISTRICT POPULATION OF THE URAL AS A SOCIAL AND CULTURAL COMMUNITY (18TH–19TH CENTURIES)

The article describes the process of the evolution of the Ural's region from the isolated territories as a result of major industrial development. The indigenous peoples (mostly the Bashkirs) met the mining development with hostility. Main labor resources for the new mines and factories were the Russian and, to a certain extent, the Ukrainian peasants. The peasants' attitude towards the move from the remote provinces of the Russian Empire to the Urals mines and factories was also negative. For their descendants — the artisans — this memory of the forced relocation of their ancestors was part of victimization process, contributing to the perception of themselves as a sacrifice to the industrial Moloch. Victimization, which also fed upon other myths and ideas, was a consolidating factor for the mining district community. Another, even more consolidating, factor was factory work — hard and technically complex, and requiring narrow specialization. This nature of work gave the mining district population a feeling of superiority over peasants, which was recognized by the contemporary educated classes.

³⁶ Архив Географического общества. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

³⁷ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1511. Л. 6.

³⁸ Нефёдов Ф. Д. В горах и степях Башкирии // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. 2. С. 167.

³⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Отеч. зап. 1883. № 7. С. 12.

⁴⁰ Попов Р. Горнозаводский Урал // Отеч. зап. 1874. № 12. С. 331.

Key words: *Ural mfu population, peasants, artisans, workers indispensable, ethno-cultural community, consolidation, victimization, industrial labor, cultural differences, symbolic boundaries*

REFERENCES

- Dorevoluytsionnyy folklor na Urale* [Pre-revolutionary folklore in the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe oblastnoe izdatelstvo Publ, 1936, 368 p. (in Russ.).
- Gornaya vlast i bashkiriy v XVIII veke* [Mining power and Bashkirs in the XVIII century]. Ufa: Gilem Publ., 2005, 244 p. (in Russ.).
- Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 608 p. (in Russ.).
- Krupyanskaya V. Yu., Polishchuk N. S. *Kultura i byt rabochikh gornozavodskogo Urala (konets XIX — nachalo XX v.)* [Culture and life of the workers of Mining Urals (late XIX — early XX century)]. Moscow: Nauka Publ., 1971, 285 p. (in Russ.).
- Kuzeev R. G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The origin of the Bashkir people: Ethnic composition, history of settlement]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 571 p. (in Russ.).
- Lazarev A. I. *Poeticheskaya letopis zavodov Urala* [Poetic chronicle of factories in the Urals]. Chelyabinsk: Yuzhno-uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1972, 311 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. *Stati i ocherki* [Articles and essays]. Sverdlovsk: OGIZ Publ., 1947, 408 p. (in Russ.).
- Mukomolov A. F. *Na yuzhnouralskikh zavodakh* [On the South Ural factories]. Moscow: Territoriya Publ., 2001, Book 2, 764 p. (in Russ.).
- Nefedov F. D. *Bashkiriya v russkoy literature* [Bashkiria in Russian literature]. Ufa: Bashkirskoe knizhno izdatelstvo Publ., 1964, Vol. 2, pp. 135–168. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Demograficheskie protsessy na Urale v epokhu feodalizma* [Demographic processes in the Urals in the era of feudalism]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR Publ., 1990, pp. 77–87. (in Russ.).
- Predaniya i legendy Urala: Folklornye rasskazy* [And legends of the Urals: Folklore stories]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo 1991, 288 p. (in Russ.).
- Predaniya reki Chusovoy* [Tradition river Chusovoi]. Sverdlovsk, 1961, 96 p. (in Russ.).
- Toporkov A. *O Vasilevsko-Shaytanskom zavode* [About Vasilyevskaya-Shaitansky plant]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2002, 128 p. (in Russ.).